

Два с половиной дня пути, и вот они наконец достигли областного города.

Стены его были куда выше и массивнее, чем в уезде. Три крупных иероглифа «Ганьчжоу-фу», выведенные на камне, смотрелись внушительно и величественно. У ворот стоял отряд стражников, на самих укреплениях тоже несли службу солдаты — один вид этого воинства внушал простому люду трепет.

В город вело четверо ворот, и повозка Чу Цы въезжала через восточные. Очередь на въезд растянулась надолго, люди терпеливо ждали, пока стражники проведут досмотр.

Внезапно сзади донёсся стук копыт. Чу Цы едва успел отдёрнуть занавеску, как в лицо ему ударило облако пыли, и он, кашляя, отшатнулся назад. Ему удалось лишь мельком разглядеть группу молодых господ в роскошных одеждах, что с весёлыми криками неслись во весь опор, подгоняя коней.

Когда всадники достигли входа, стражники тут же поспешили к ним с поклонами и приветствиями, после чего приказали подчинённым открыть другой проход, пропуская их внутрь.

Лица простолюдинов, ожидавших своей очереди, при виде этой сцены остались бесстрастными. Таков уж был порядок вещей. Если из-за каждой несправедливости переживать, то как тогда вообще жить?

Когда очередь дошла до повозки Чу Цы, прошло уже около получаса. Въехав в город, они первым делом отыскивали трактир, чтобы пообедать. Областной город находился почти в ста пятидесяти ли от уезда, и здешний говор, как и вкусы в еде, заметно отличался. К счастью, все могли говорить на официальном языке, так что проблем с общением не возникло.

— Слишком остро, до чего же здесь всё острое! — воскликнул Цзян Хуай, высунув язык. Он с завистью посмотрел на троих своих спутников, сохранявших невозмутимость.

Ну ладно Чэнь Цзыфан, он раньше учился в Ганьчжоу-фу. И учитель Чжоу бывал здесь много раз. Но Чу Цы-то ведь здесь впервые? Почему он совсем не боится острого?

А юноша и впрямь не боялся. Более того, после острой пищи у него даже прыщи не вскакивали — разве не досадно? Его мать была из Сычуани, а отец — из Пекина, так что вкусы у него были самые разнообразные, и он мог есть блюда как северной, так и южной кухни.

После обеда они направились в окружное училище. Оно располагалось в северной части города, фасадом на юг, и было прекрасно освещено солнцем.

Когда повозка остановилась у ворот, Цзян Хуай снова не удержался и украдкой взглянул на Чу Цы, ожидая увидеть на его лице потрясение. Но тот оставался совершенно спокоен. Спутник невольно сравнил его реакцию со своей собственной, когда он впервые увидел это заведение, и понял, что до такого хладнокровия ему далеко.

Окружное училище и в самом деле было значительно больше уездного, но, конечно, не шло ни в какое сравнение с современными университетами, занимавшими тысячи акров земли. Чу Цы с интересом осматривал непривычные пейзажи, чувствуя себя туристом.

— Территория окружного училища. Посторонним вход воспрещён, — двое высоких привратников направились к ним. Ученики здесь носили единую форму, а на этих четверых её не было, значит, они прибыли издалека.

— Уважаемые, взгляните, пожалуйста. Это письмо, написанное лично главой вашей академии Цю. Он приглашает нас на литературное собрание восьми академий. Я — учитель из подчинённого уезда Юаньшань.

Привратники были грамотными. Увидев в письме подпись главы академии Цю и большую печать, они пропустили гостей внутрь и даже позвали мальчика-слугу, чтобы тот проводил их.

Раз уж окружное училище устраивало торжество, то на него ложилась и вся ответственность за размещение и приём. Специально для этого был построен двор в три ряда зданий, где могли остановиться наставники и ученики из шести других уездов. Питание на эти несколько дней также предоставлялось.

Училища Юаньшань и Маошань, два брата по несчастью, каждый год размещались вместе. Этот год не стал исключением.

Едва учитель Чжоу вошёл во двор, как кто-то тут же его окликнул:

— Брат Чжоу, как вышло, что в этом году снова ты привёз учеников? Я слышал, должен был быть почтенный Чжу.

— Увы, он внезапно занемог, и глава академии попросил меня проводить их ещё раз. Брат Хуан, а ты почему здесь?

Собеседник, казалось, только и ждал этого вопроса.

— Эх, да всё из-за моего непутёвого сына. Он в этом году тоже участвует в состязаниях. Я побоялся, что он натворит дел, и специально упросил главу нашей академии позволить мне сопровождать учеников ещё год.

— О? Ты говоришь о том самом сыне, чья слава о феноменальной памяти гремит повсюду? — с

любопытством спросил Чжоу.

— Всё это детские забавы, не стоит и упоминания, не стоит! — тот отмахнулся, делая вид, что ничуть не гордится.

— Брат Хуан слишком скромен. О добром имени твоего сына, способного запомнить всё с одного взгляда, в нашей области Ганьчжоу не слышал только глухой, — любезно отозвался Чжоу.

Чу Цы, стоявший в стороне, слушал их разговор и чувствовал укол зависти.

«Что за невероятная способность! — подумал он. — Для человека, стремящегося к вершинам на государственных экзаменах, фотографическая память — это же настоящий дар небес, читерский код. Этот мальчик явно был главным героем романа с портала «Цидянь»!»

— Брат Чжоу преувеличивает. Кстати, кроме этого юноши, двое других мне незнакомы.

— О, этот ученик раньше учился в окружном училище. Его зовут Чэнь Цзыфан, в этом году он перевёлся к нам. А это — Чу Цы. Раньше он был очень скромен, и наставники берегли его покой. Но теперь он почти достиг совершеннолетия, и ему пора выходить в свет.

Услышав имя «Чу Цы», учитель Хуан на мгновение замер. Не успел он ничего сказать, как стоявший рядом с ним юноша лет пятнадцати-шестнадцати вдруг воскликнул:

— Так это ты тот самый «Добродетельный и честный»?

Тут до Хуана дошло. Он-то думал, почему имя кажется таким знакомым! Так вот он какой — Чу Цы, удостоенный той великой чести, «Вэньцюйсин» уезда Юаньшань, гениальный сюцай, получивший степень в четырнадцать лет!

— Мой сын невежлив, простите его. Иметь такой талант в уезде Юаньшань и так долго скрывать его! Брат Чжоу, это не по-товарищески!

— Что ты, что ты, это всё слухи. Лишь бы он не переволновался и не опозорил наше училище, — притворно обеспокоился тот.

Два наставника ещё немного обменялись любезностями и разошлись. Ученики, не имевшие права вмешиваться в разговор, молча следовали за ними.

Комнаты распределили так: учителю — отдельная, ученикам — одна на троих. В учительской комнате стояла кровать с пологом, а в ученической — широкий дощатый настил.

Разложив вещи, все трое тут же рухнули на лежанку и уснули, позабыв о том, что дневной сон — удел лентяев. Несколько дней тряски в тесной повозке измотали их до предела, тело ломило. Даже ночёвка в гостинице не принесла полноценного отдыха, и им пришлось снова отправляться в путь. А сегодня они и вовсе встали с первыми петухами, в час Инь.

Когда Чу Цы проснулся, за окном уже сгущались сумерки. В комнате он был один. Он встал, толкнул створки окна. Солнце, похожее на маслянистый желток солёного утиногo яйца, лениво висело над склоном горы, не решаясь окончательно закатиться за горизонт.

Он потёр живот. Кажется, он проголодался.

К счастью, в этот момент в комнату заглянул Цзян Хуай.

— Пойдём ужинать. Учитель Чжоу только что получил талоны на еду на все эти дни. Пойдём, я покажу тебе столовую окружного училища.

— А где брат Чжунсин?

— Не знаю, я проснулся, а его уже не было. Впрочем, он ведь раньше здесь учился, наверняка у него осталось много друзей. Наверное, пошёл их навестить.

Чу Цы кивнул и вышел вместе с Цзян Хуаем. Учитель Чжоу и несколько человек из училища Маошань уже ждали их, чтобы отправиться в столовую всем вместе.

Чу Цы извинился за опоздание и присоединился к группе. Идя по дорожке, он бросил случайный взгляд в сторону и вдруг увидел бледного как полотно Чэнь Цзыфана, который сворачивал на другую тропинку, ведущую к их жилому двору.

— Брат Чжунсин, уже время ужинать, пойдём с нами, — Чу Цы ускорил шаг и догнал его.

Чэнь Цзыфан через силу улыбнулся.

— Не стоит, у меня нет аппетита. Идите без меня. Передай учителю мои извинения.

Сказав это, он похлопал юношу по плечу и направился в свою комнату.

Чу Цы обеспокоенно смотрел ему вслед.

«Этот брат Чэнь в уездном училище всегда был весел и улыбчив, но с тех пор, как узнал о

поездке сюда, стал молчаливым и замкнутым, — размышлял он. — Прежде он лишь изредка упоминал об учёбе в окружном училище, но никогда не говорил о своих отношениях с другими учениками. Должно быть, причина его состояния кроется именно в этом».

— Брат Чу, почему ты так отстал? — Цзян Хуай только сейчас заметил отсутствие товарища и вернулся за ним.

— Ничего, просто засмотрелся на пейзаж и забыл о времени. Спасибо, брат Цзян.

— Да что за вежливости? Пойдём, я угощу тебя лучшим блюдом здешней столовой — гусиными лапками в винном соусе...

— Брат Чжунсин, ты ведь ещё не ужинал? Я принёс из столовой пирожных, съешь хотя бы немного. — Чу Цы поставил свёрток на стол и позвал Чэнь Цзыфана.

Тот лежал на лежанке и глухо ответил:

— Спасибо, брат Чу. Я не голоден, оставь пока.

— Древние мудрецы говорили: «Для народа еда — это небо». Как можно учиться на голодный желудок? Брат Чэнь, вставай, съешь хоть что-нибудь.

— Не могу я есть... — Чэнь Цзыфан помолчал, и вдруг на него нахлынуло непреодолимое желание выговориться. Говорить об этом было стыдно, но он знал, что брат Чу — человек широкой души. Даже если он и станет его презирать, то, по крайней мере, не скажет этого вслух.

— Брат Чу, скажи, сын наложницы... он что, с рождения в чём-то уступает другим?

— Моя мать была простой рыбачкой с реки Хуэйцзи. Однажды, когда она вышла на промысел, её заметил один богатый молодой господин. Мой дед по материнской линии продал её ему в наложницы за двести лянов серебра.

— Но разве в богатом доме легко жить? Не прошло и трёх месяцев, как мать потеряла расположение господина. Если бы не беременность, её бы, наверное, и вовсе перестали кормить.

— У главной жены долго не было детей. Видя, что моя мать занимает низкое положение, она позволила ей родить меня, собираясь потом избавиться от матери и забрать ребёнка себе. Но не успело мне исполниться и месяца, как у той вдруг обнаружилась беременность. Нас с

матерью тут же отослали в уединённый двор.

— Мы прожили там почти десять лет. Жизнь была бедной, но мы с матерью были вдвоём и были счастливы. Однако позже мой отец получил чин. Кто-то обвинил его в жестокосердии, и его жена была вынуждена забрать нас обратно. Мне даже позволили учиться вместе с моим младшим братом.

— В детстве он был очень милым, но чем старше он становился, тем больше начинал меня невзлюбивать. Когда мы вместе поступили в окружное училище, он всегда стыдился признать во мне родственника. А потом, когда меня оклеветали, он не только остался в стороне, но и подлил масла в огонь, раскрыв всем моё происхождение. С того дня моя жизнь стала ещё невыносимее.

— В конце прошлого года один из соучеников снова обвинил меня в краже, и дело дошло до самого главы академии. Хотя позже мою невиновность доказали, отец всё равно счёл меня позором семьи и велел бросить учёбу. Мать долго умоляла его на коленях, и только тогда он согласился перевести меня в Юаньшань.

— Теперь я вернулся сюда, и бывшие соученики увидели меня и донесли брату. Он только что приходил и сказал, что если я не дурак, то должен отказаться от участия в состязаниях. Иначе он расскажет всем, что я сын наложницы, что меня уже обвиняли в воровстве и что я человек дурной репутации. Брат Чу, скажи, что мне делать? Может, мне и вправду следовало тогда отказаться от предложения главы академии?

Чу Цы долго молча слушал. Он понял, что Чэнь Цзыфан плачет. Ему и в голову не могло прийти, что за вечной улыбкой этого человека скрывается такое трагическое прошлое.

В эту эпоху семейные узы ценились превыше всего. Если посторонний скажет, что ты человек дурной, ему могут не поверить. Но если то же самое скажет твой родственник — поверят непременно. Ведь все считают, что никто не станет позорить свою семью и клеветать на родных, если только тот человек не совсем уж ничтожен.

— Брат Чжунсин, это не твоя вина, тебе не в чем себя упрекать. Благородный муж, идя по жизни, остаётся чистым, даже если вокруг грязь. Пусть людская молва и страшна, но если ты сохраняешь верность своему сердцу и укрепляешь свой дух, то никакая клевета не сможет тебя ранить.

<http://bllate.org/book/15354/1439316>